

ОГЛАВЛЕНИЕ



ЧАСТЬ I	5
Глава 1. Утопленница преграждает путь	6
Глава 2. Редисовая очередь	17
Глава 3. Собрание языков	33
Глава 4. Юность	44
Глава 5. В поисках дао на горе Маошань	69
Глава 6. Появление Тан Бао	80
Глава 7. Пир совершенствующихся	97
Глава 8. Годичное соглашение	118
ЧАСТЬ 2	135
Глава 9. Гора совершенствующихся Чанлю	136
Глава 10. Полет на мече	186
Глава 11. Глава школы Маошань	216
Глава 12. Состязание мастеров меча	255
Глава 13. Церемония поклонения наставнику	292
Глава 14. Вместе с утра до вечера	309
Глава 15. Никогда не стареть	347
Глава 16. Как же трудно рисовать с натуры	370
ЧАСТЬ 3	397
Глава 17. Призрачные врата открыты	398
Глава 18. Встретимся на поле битвы	431

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 19. Вопреки всяким ожиданиям	445
Глава 20. Происшествие в школе Тайбай	470
Глава 21. Витающий в тени аромат	482
Глава 22. Трудно избежать удара в спину	500
Глава 23. Яркая луна Ханьданя	530
Глава 24. Постигение чувств	545
 ГЛОССАРИЙ	 557
Измерение времени в древнем Китае	558
Измерения длины и веса в древнем Китае	561
Термины	562
Горы совершенствующихся	566
Благовония	569





ЧАСТЬ I



ГЛАВА I

УТОПЛЕННИЦА ПРЕГРАЖДАЕТ ПУТЬ

На небе не то что луны, даже звезд не разглядеть. Кромешная тьма, как в огромной пещере, царила повсюду. Мир словно перевернулся: уже не различить было, где небо, а где земля. Казалось, одно неловкое движение — и сорвешься в пропасть.

— Амитабха¹, защити! Амитабха, защити...

Девочка лет двенадцати-тринадцати торопливо шла по дороге в полном одиночестве и бормотала себе под нос. В левой руке она держала фонарь из промасленной кожи, а в правой — буддийские четки, и скорее даже не шла, а бежала, поскольку жуткие твари преследовали ее, и лишь четки не подпускали их ближе. Вокруг — непроглядная тьма, видно один только фонарь, который колыхался на ветру подобно яркому блуждающему огню. В воздухе повисла странная тишина: не было слышно ни журчания воды, ни жужжания насекомых, ни щебетания птиц.

¹ Амитабха (кит. 阿弥陀佛) — молитвенное обращение к Будде, одна из главных и самых почитаемых форм Будды. (Здесь и далее — прим. пер.)

«Еще немного, и доберусь до деревни. Как только окажусь там, все будет хорошо», — продолжала твердить себе малышка, а по ее бледному лицу стекал холодный пот. Она высвободила правую руку и еще сильнее укуталась в наброшенную на плечи накидку, сшитую из восьми шкур черных собак¹, пытаясь как можно лучше скрыть свой аромат.

Однако, добравшись до каменного моста у окраины деревни, девочка остолбенела. Прямо там, напротив нее, стояла женщина с бумажным зонтом, на котором алели ослепительные цветы персика. Зонт был так сильно опущен, что не позволял разглядеть скрывавшееся под ним лицо незнакомки.

Девочка от испуга застыла как вкопанная, ноги ее задрожали. Она подумала: «Плохо дело! Наткнулась на злого духа».

— Амитабха, защити...

Продолжая шептать, она чуть отступила, решив пойти по другой стороне моста, и опустила голову, притворившись, будто не увидела женщину. Однако вскоре вновь обнаружила ее перед собой. Расшитые узорами туфельки незнакомки покрывала грязь, а у ее ног образовалась лужица с зелеными водорослями.

В этот момент изначально теплый желтый свет фонаря странным образом превратился в ядовито-синий, а затем в темно-красный, будто кровью окрасился. Воздух наполнился резким противным запахом крови и речной воды.

¹ В древности считалось, что шерсть черной собаки обладает свойством изгонять злых духов, поэтому ее часто использовали в качестве оберега.

«Амитабха...» — Скрепя сердце, девочка шагнула вперед, сжав в руках четки. Тогда женщина-дух отступила на два шага. Малышка сделала еще два шага — незнакомка вновь отступила назад. Так девочка дошла почти до самого конца моста — она по-прежнему не поднимала головы, пока не услышала зловещий хохот, пробирающий до костей.

Бах! Дух утопленницы вдруг лопнул прямо у нее на глазах. Тело ее разлетелось на множество кусочков, а вся земля покрылась кровью и личинками.

Девочка так перепугалась, что чуть не выронила из рук четки и фонарь. Ее ноги тряслись, словно сито во время просеивания муки. Однако даже сквозь страх она заметила, как что-то круглое выкатилось из-под зонта. Оказалось, это была голова той женщины. Все тело девочки разом будто льдом сковало так, что она не в силах была пошевелиться. Внутренний голос непрестанно кричал ей: «Беги! Скорей!» Но малышка и полшага сделать не могла.

Волосы на голове духа, словно живые, в безумии кружились в воздухе, унося за собой голову то вправо, то влево. Голова ударялась о перила моста и отскакивала обратно, в итоге упав к ногам девочки. Та от страха едва не осела на землю.

К счастью, все неожиданно затихло, а воздух будто стал плотным. Но не успела девочка отдышаться, как голова вдруг резко повернулась к ней. Только теперь малышка смогла разглядеть лицо утопленницы. Две огромные черные дыры: один глаз пропал непонятно куда, а половина второго свисала из глазницы, качаясь из стороны в сторону. Бесформенные, покрытые волдырями губы подрагивали, вероятно желая что-

то сказать, но издавали лишь звуки, подобные плачу младенца.

Девочка заткнула уши и, сдерживая рвотный позыв, бросилась бежать, но почувствовала, как что-то схватило ее за ногу. Эта была половина почти разложившейся до кости руки, покрытой гнилой плотью. Оцепенев от страха, девочка не успела увернуться, и голова, воспользовавшись ее промедлением, вновь отскочила и вцепилась зубами в ее ногу. За острой болью последовал пронизывающий до костей холод, вмиг распространившийся по всему телу.

В порыве отчаяния малышка, размахивая четками, ударила рукой по голове злого духа — и услышала звук, похожий на шипение сырого мяса, брошенного на раскаленное железо. Только тогда голова ослабила хватку и упала.

Девочка стремительно прыгнула с моста, но с удивлением обнаружила, что рука по-прежнему держит ее за ногу, а голова скачет по мосту, стучит зубами и кричит ей вслед печально-пугающим голосом, не в силах отправиться в погоню: «Рука! Рука! Рука!» Говорят, души людей, трагически погибших на воде, навсегда остаются запертыми рядом с ней.

Малышка с силой оторвала остатки руки со своей ноги, с размаху бросила их обратно на мост, потом развернулась и что есть мочи побежала прочь. В ее перепуганном лице не было ни кровинки.

В это время в деревне все уже спали. Не было слышно даже крика петухов и лая собак — такая стояла тишина. Девочка неистово стучала в двери лечебницы, но все жители деревни будто заснули мертвым сном: никто не отозвался и ни в одном окне не заго-

релся свет. Она долгое время изо всех сил колотила в двери, пока в доме наконец не началось движение.

— Кто там?..

— Лекарь Чжан! Лекарь Чжан! Это я, Сяо-Гу!¹ Спасите моего отца, он умирает! — сторя от беспокойства, во весь голос закричала девочка.

— А-а, Сяо-Гу... Не волнуйся. Сейчас, только оденусь. Я быстро.

Вскоре из дома вышел седовласый старик с лекарским ящичком в руках и поспешил следом за ней.

— Ты почему ночью одна ходишь? Не столкнулась ни с чем?

— Только что на мосту... Но что поделать? Отец внезапно тяжело заболел! — Сяо-Гу крепко ухватилась за полы одежд лекаря Чжана. Спрятавшись за его спиной, она пошла дальше, прихрамывая и не переставая дрожать. Когда они приблизились к мосту, Сяо-Гу украдкой выглянула из-за спины лекаря и увидела, что недавно лежавший там изувеченный труп пропал, как будто ничего не произошло.

У нее была плохая бацзы² и слишком тяжелая энергия инь³. Ее мать скончалась при родах, а в момент ее появления на свет деревня наполнилась необычным ароматом. Несмотря на весеннюю пору, все

¹ Префикс «Сяо-» (*кит.* 小, букв. маленький) создает уменьшительно-ласкательную форму имени. Используется по отношению к младшим по возрасту или статусу, а также передает близкие или родственные отношения.

² Бацзы (*кит.* 八字) — восемь циклических знаков. Древнекитайская система предсказания судьбы, которая рассчитывалась по году, месяцу, дню и часу рождения человека.

³ Женская энергия инь считается темной энергией, притягивающей к земле. Чем тяжелее энергия, тем более негативные последствия она несет для ее обладателя и окружающих.

цветы в мгновение завяли. Поэтому девочку назвали Хуа Цяньгу¹.

Отец ее был сюцаем², неоднократно проваливавшим императорский экзамен. Благодаря своему упорству он все эти годы продолжал воспитывать девочку. Однако, поскольку особенный запах Хуа Цяньгу привлекал нечистые силы, это доставило жителям деревни немало хлопот, и он был вынужден поселиться вместе с ней в наспех построенной деревянной хижине у реки на окраине.

Сюцай Хуа пригласил странствующего даоса, чтобы тот изгнал нечисть и изменил дурную судьбу Хуа Цяньгу. Даос же лишь покачал головой, дал девочке буддийские четки, которые много лет носил при себе, накидку, сшитую из восьми шкур черных собак и скрывающую от злых духов ее ци, а также строго наказал после захода солнца не позволять девочке выходить из дома. Так она смогла благополучно дожить до двенадцати лет.

Лекарь Чжан всегда заботился об их семье. Будучи единственным лекарем в деревне, он спас от смерти многих людей. Из-за довольно сильной энергии ян и убийственной ауры мелкая нечисть обычно не осмеливалась нападать на лекаря. Ведя Хуа Цяньгу за руку, он добрался до дома девочки, и по пути они не встретили никаких неприятностей.

Однако болезнь сюцай Хуа оказалась слишком тяжелой. Он прожил с Цяньгу долгое время, и посто-

¹ Фамилия девочки Хуа (кит. 花) означает «цветок», а имя Цяньгу (кит. 千骨) — «тысяча костей».

² Сюцай (кит. 秀才) — название первой, низшей ученой степени в системе государственных экзаменов для чиновников в Китае.

янное присутствие злых духов плохо сказалось на его здоровье. Ему не было и сорока, но он уже выглядел как старик лет пятидесяти-шестидесяти. Лекарь Чжан вздохнул и, покачив головой, сказал:

— Боюсь, он не переживет эту ночь.

Хуа Цяньгу бегала туда-сюда: грела воду, готовила отвар, вытирала отцу пот. Она ни мгновения не позволяла себе расслабиться, боясь непрощенных мыслей.

Сюцай Хуа и в самом деле был очень плох. Но даже на смертном одре он беспокоился только о том, как же малышка Цяньгу будет жить одна после его смерти. Лекарь Чжан, утешая его, пообещал, что приютит девочку и позаботится о ней. Но отец девочки не хотел стеснять лекаря — он боялся, что тот не сможет долго защищать ее, поэтому поручил после его смерти отдать Хуа Цяньгу в ученицы на гору Маошань, прославившуюся ловцами духов и оборотней. Если она добьется успехов в учебе, ей больше не придется бояться преследования нечисти.

Хуа Цяньгу держала постепенно холодеющую руку отца и чувствовала полное опустошение. Даже отец покинул ее. Какой смысл продолжать в одиночестве жить на этой земле? Она хотела плакать, но не могла — девочка родилась без слез. С самого рождения, как бы грустно ей ни было, она и слезинки не могла проронить. Ученый Хуа знал, что девочку ждет нелегкая судьба, поэтому с малых лет усердно наставлял ее, заставляя изо всех сил учиться быть сильной и независимой.

Лекарь Чжан помог Цяньгу обработать рану на ноге: выдавил почерневшую кровь и гной, промыл

в воде с пеплом от благовоний, нанес немного клейкого риса, наложил повязку, а потом перевязал. Он был обычным лекарем, а не даосом, поэтому не обрабатывал рану должным образом. Но Хуа Цяньгу с детства получала множество мелких травм, которые на удивление быстро заживали, поэтому не придавала этому значения.



На следующий день рано утром Хуа Цяньгу повезла тело отца на тележке за деревню, чтобы похоронить в могильном кургане.

Когда она проходила по улице, жители с презрением отворачивались от нее и сплетничали, стоя в сторонке:

— Настоящее ходячее бедствие! Всю семью угрозила! Теперь и отец помер!

— Точно! Любой, кто приблизится к ней, пострадает от злых духов.

— Не повезло ученому Хуа. Угрозило же его родить такую дочь!

— Ты недавно переехал, еще не знаешь: когда она родилась, деревня наполнилась необычным ароматом, а все цветы завяли. После этого несколько лет ни одного бутончика не появлялось!

— Это еще что! Она и сейчас не может к цветам прикасаться: как только заденет цветок, тот сразу погибнет. Странная.

— Эх! Я тогда сразу понял, что не к добру это. Предсказатель пытался убедить ученого Хуа, говорил, что девочка несчастье приносит и лучше ее бросить. Но он не послушал. Что уж теперь?

Хуа Цяньгу будто не слышала ничего и лишь продолжала идти вперед, обливаясь потом и толкая тележку.

В это время малыш лет пяти-шести игрался в грязи у ворот. Увидев ее, он весь засиял, подбежал к ней и радостно закричал:

— Сестрица! Сестрица!

Девочка не остановилась и не взглянула на него:

— Скорей иди домой! Мы же договорились, что на людях ты не будешь со мной разговаривать.

Мальчик тотчас закрыл рот рукой, замер от испуга, а потом отошел на несколько шагов и стал помогать Хуа Цяньгу толкать тележку сзади. И пусть пользы от этого никакой не было, но девочка все равно почувствовала, что ей стало намного легче. Но тут же подбежала женщина, схватила малыша в охапку и со злостью вlepила ему пощечину. Потом, избегая духа поветрия¹, она со всех ног влетела в дом, громко хлопнув дверью.

Хуа Цяньгу остановилась, обернулась и, услышав доносившийся из дома детский плач, с грустью вытерла пот со лба.

Когда она с трудом добралась до располагавшейся на склоне за древней могилы матери, то уже еле дышала от усталости. Немного отдохнув, девочка взяла лопату и принялась копать землю, собираясь похоронить родителей вместе. На мгновение ей вдруг очень захотелось тоже лечь в гроб и больше не сталкиваться с этим миром, полным одиночества и нечистой силы.

¹ «Дух поветрия» (кит. 瘟神) — образное выражение, означающее «человек, приносящий несчастье».

Протрудившись до заката, девочка поужинала и пошла прощаться с лекарем Чжаном. Тот посчитал, что она еще слишком мала, чтобы жить в одиночестве вдали от родных мест, поэтому заявил, что готов приютить Хуа Цяньгу, по крайней мере до тех пор, пока не заживет рана на ее ноге. Но девочка твердо решила немедленно отправиться в путь и, следуя наказу отца, найти себе наставника. Лекарь Чжан не смог ее переубедить. Поэтому ничего другого ему не оставалось, кроме как проводить Хуа Цяньгу до дома и дать ей немного денег.



Ночь. Фонарь будто бобовое зернышко.

Снаружи свистел сильный ветер, сквозь него слышались разного рода зловещие звуки: дикий хохот, вскрики, всхлипывания и гневные возгласы. На стене то и дело появлялись причудливые тени. Хуа Цяньгу сидела на жесткой кровати в опустевшей хижине, завернувшись в накидку из шкур собак, и не смыкала глаз до самого рассвета. На душе было грустно и тревожно.

Ранним утром следующего дня она полила деревце во дворе, обернулась, взглянула разок на деревянный домик, не желая расставаться с ним, и, взвалив на спину дорожный мешок, выдвинулась в путь.

Для удобства Хуа Цяньгу надела сине-зеленое одеяние отца, укоротив его себе по росту, и широкополую шляпу, а затем повязала волосы высоко на голове, став похожей на мальчика. На плечи она накинула неизменную накидку из собачьих шкур, а на пояс прицепила затупившийся со временем серп.

Проходя через раскинувшийся за деревней лес, Хуа Цяньгу внезапно почувствовала невероятную тяжесть: будто несметное число невидимых рук тянуло ее назад, не давая уйти. Но девочка приняла решение. Опираясь на дерево, она устремилась вперед, волоча за собой отяжелевшие ноги, словно канат при перетягивании. Наконец девочка покинула деревню, в которой жила с малых лет, и отправилась навстречу большому и опасному миру.

ГЛАВА 2



РЕДИСОВАЯ ОЧЕРЕДЬ

Попасть на гору Маошань оказалось не так-то просто.

Разузнать о том, в какой стороне находится знаменитая гора, нетрудно, но на пути к ней встречается всякая мелкая нечисть и духи. Дело осложнялось и тем, что Хуа Цяньгу впервые покинула деревню. Больше двух месяцев она скиталась, прежде чем наконец добралась до подножия горы Маошань. После ночи отдыха она отправилась к вершине. Не зная дороги, девочка несколько дней ходила кругами, но никак не могла подняться. Казалось, до вершины рукой подать, но Хуа Цяньгу была не в силах взойти на нее.

Она не знала, что обычно на горе, служащей школой совершенствующихся, устанавливается защитная формация¹, не позволяющая простым людям приблизиться, вот и подумала, что опять ее нечисть кругами водит. Девочка всегда плохо ориентировалась на местности: как бы подробно ей дорогу

¹ Формация (кит. 阵法) — особое магическое поле-ловушка в китайском фэнтези.